891.74
G5242
1922

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

OCT 07 1985

AT

L161—O-1096

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN
BOOKSTACKS

Digitized by the Internet Archive
in 2017 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/simvolyiilliuzii00glus

М. ГЛУШКЕВИЧЪ

СИМВОЛЫ И ИЛЛЮЗІИ

3-я книжка стиховъ.

ЛЬВОВЪ — 1922.

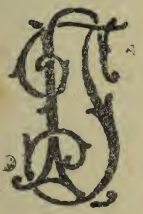
СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

ВЫПУСКЪ 4.

М. ГЛУШКЕВИЧЪ

СИМВОЛЫ И ИЛЛЮЗІИ

3-я книжка стиховъ.



ЛЬВОВЪ
1922

Моей дочери

Татьянѣ

посвящаю.

Типографія Ставропигійскаго Института во Львовѣ
подъ управленіемъ Ю. Сидорака.

891.74
G5242
1922

Въ смутные дни.

Горныя вершины
Дремлютъ въ снѣжной мглѣ,
Тѣни — сновъ личины —
Бродятъ по землѣ.

День сталъ темноликій,
Алою роса,
Отъ тоски великой
Нѣмы небеса.

Межъ святыхъ развалинъ
Сатанинскій вскликъ...
Кровь. Христа печаленъ
Обуглѣвшій ликъ.

Въ тьмѣ глухой ограды
Грянулъ громъ весны.
Смертью встрѣтить рады
Родину — сыны!

Горько русской боли
Сѣмя, смутенъ всходъ:
Вынесъ изъ неволи
Рабій зракъ народъ.

Только духъ свободныхъ
Цѣпи рабства рветъ...
Отъ костровъ народныхъ
Новый свѣтъ взойдетъ.

Сказаніе о князѣ Романѣ Галицкомъ.

Не заря тихо по небу катится
Не златъ мѣсяцъ гуляетъ по нивушкамъ,
На конѣ, изъ похода злосчастнаго
Князь Романъ мчится въ замокъ свой галичскій.
А въ груди его рана кровавая,
А изъ раны той струйкою алою
Кровь, сквозь латы дымясь, пробивается
И по корзну сочится по княжьему.

Всю дружину удалую, храбрую
На поляхъ Завихостскихъ оставилъ онъ.
Она спитъ тамъ, сномъ вѣчнымъ повитая...
А онъ скачетъ — дружинушки новыя
Собирать и со славой вернутися,
Зане въ Галичѣ чада остались:
Святогоровы внуки хоробрые,
Молодецкіе отроки юные
И вся дума его сѣдоглавая...

Мчится вихря быстрѣе Мстиславовичъ...

Поднебеснаго грома грознѣе онъ
И свѣтлѣе палючей онъ молоньи...
И отходятъ съ пути его въ сторону
Цѣпи горъ, предъ конемъ разступаяся,
Отъ ударовъ подковы серебряной
Озаряется ночи тьма темная,
Алымъ полымемъ степь занимается,
А вдали слышны вои звѣриные...
Да стенанія птицы испуганной...

Мчится вихря быстрѣе Мстиславовичъ...

А какъ въ землю вступилъ онъ родимую,
Совершилось тутъ чудо великое:
По дорогѣ ль онъ скачетъ иль по полю,
По лѣсамъ, по зеленымъ ли нивушкамъ,
Изъ земли встаютъ витязи славные,
Подымаются мстигели грозные,
Всѣ въ кольчугахъ и шлемахъ чеканенныхъ,
Кто колчаномъ съ стрѣлами пернатыми,
Кто копьемъ, кто мечемъ потрясаючи,
И зовутъ: „Гей, Романъ — свѣтъ Мстиславовичъ!
Ты сзывай насъ на рать на великую,
Ты веди насъ на битву кровавую,
Чтобы наша земля старорусская
Вся до пяди осталася вольною,
Чтобы вражья соха не тревожила
Богатырскихъ могилъ святопамятныхъ!
За отчизну, за Русь православную
Буйны головы сложимъ мы во́ стократъ!“

Слышитъ князь голоса эти грозные,
И въ груди его сила великая
Бурей-вихремъ растетъ-подымается...
Прискакалъ онъ ко граду зубчатому,
Устремилъ въ него взоры орлиные
И зоветъ, истекая весь кровію:
„Гей, вы отроки, други, гей, соколы,
Святогоровы внуки хоробрые!
Вы звоните мнѣ въ колоколъ на́большій,
Вы трубите во трубы мнѣ звончаты,
Чтобъ всѣ батыри русскіе слышали,
Вы сзывайте мнѣ вѣче народное,
Собирайте вы рати великія
И ведите на битву кровавую
За отчизну, за Русь православную!
Гей, вы, други, что волки удалые!“

Но не кончилъ онъ рѣчь богатырскую, —
Одолѣла, знать рана кровавая, —
Такъ и умеръ подъ замкомъ онъ галичскимъ...

А на замкѣ дружинники вѣпоры
За ковшами сидѣли и брашнами,
Пѣли пѣсни гусляры разгульныя,
У бояръ были головы пьяныя...

Во странѣ жъ, на родимой сторонушкѣ,
На Днѣстрѣ, на Збручѣ и на Серетѣ
Алымъ полымемъ степь занимается,
Озаряется ночи тьма темная:
Изъ костей встаютъ мстители грозные,
Подымаются витязи славные,
Собираются силы несмѣтныя...
Денно нощно тамъ ждутъ-дожидаются,
Что вожди къ нимъ удалые явятся,
Поведутъ ихъ на битву на рать,
За отчизну, за Русь умирать...

. . . . . .

До сегоднешня дня дожидаются...

Зовъ Родины.

[ваша боль, я скорбь святая ваша,
Сквозь тьму вѣковъ провидѣнный вашъ лучъ,
[— ваша жизнь: какъ жертвенная чаша
Мной духъ вашъ полнъ, мной живъ онъ и могучъ!

Какъ вы — я пепелъ, скованный въ могилѣ...
Но шли вѣка, и въ пеплѣ жаръ не гасъ.
[вы воскреснете со мною въ силѣ,
[въ славѣ мертвые воскреснутъ въ васъ!

Уже моей вѣковъ страстной седьмицы
Исполнилася ночь шестая мукъ,
Дрожитъ земля, кровавъ восходъ денницы,
[лица палачей сковалъ испугъ.

Придите жъ, кто мой крестный путь устлали
Цвѣтами лучшихъ помысловъ и дѣлъ,
Бодритесь всѣ, кто за меня страдали,
Свершеній — бдите! — близится предѣлъ!

Великихъ предковъ тѣни-сребросвѣты
По градамъ-весямъ Руси разошлись,
Навстрѣчу имъ, какъ чудо, самоцвѣты
Святынь Москвы и Кіева зажглись.

И чуется временъ раскрытой тайна:
Грядущаго узоры такъ ясны,
Какъ судныхъ дней огни. О! не случайно
Сыны отчизны снамъ вѣковъ вѣрны!

Подъ мечный звонъ, въ дыму кровавой сѣчи,
Въ страстной годины огненной пыли
Отверзлась радость всенародной встрѣчи
Съ явленнымъ ликомъ матери Земли.

Памяти Гоголя.

Гдѣ старый Днѣпръ броней какъ витязь блещетъ
Съ тревожной думой въ даль степей стремясь,
Гдѣ по курганамъ лишь ковыль трепещетъ,
И стражемъ ходитъ блѣдный мѣсяцъ-князь,
Гдѣ триста лѣтъ въ борьбѣ за Русь съ врагами
Кровавый пиръ справляли козаки,
Гдѣ славу предковъ грозными стихами
Козацкимъ внукамъ пѣли лирники, —
Тамъ Ты рожденъ, тамъ зрѣлъ Твой звѣздны
[геній,
Родныхъ степей тамъ чувства расцвѣли,
Тамъ вонлотились свѣтлымъ сномъ видѣній
И мысль, и духъ измученной земли.
То вѣщимъ словомъ, то бичемъ упрека
Пожаръ тревоги Ты зажегъ въ сердцахъ,
Развѣялъ лѣнь и душный мракъ порока
И вѣру въ Русь Ты пробудилъ въ борцахъ.

Съ тѣхъ поръ, когда, какъ лучъ въ темницу ночи
Закрался Твой глаголъ въ мой скорбный слухъ
Отъ слезъ и мукъ ослѣпнувшія очи
Роняютъ кровь, въ груди вскипаетъ духъ,
И снится мнѣ, далекая какъ счастье,
Безъ слезъ, перерожденная борьбой,
Безъ путъ, низвергнувшая чужевластье,
Родная Русь, воспѣтая Тобой...

Но мы въ плѣну... Тотъ бой, что вѣчной славо
Покрылъ Пожарскаго священный щитъ,
Тотъ бой, что вновь былъ поднятъ подъ Полтавой
Его-ль побѣдно Галичъ довершитъ?

Увы!... Нѣтъ пороха въ пороховницахъ,
Тупится мечъ и взоръ ослѣпъ отъ бурь,
И гнутся козаки. На блѣдныхъ лицахъ
Андрія Бульбы тѣнь, Мазепы хмурь...

Въ плѣну мы. И въ плѣну огонь и силы,
Въ плѣну умы, и души, и сердца, —
Живые мертвецы, мы ждемъ могилы
И камни мечемъ въ братняго борца!

И стыдъ и ужасъ, горе и страданья
На части рвутъ мнѣ сердце. Мы судьбы
Оковамъ ржавымъ ищемъ оправданья!
Мы не въ плѣну. Но мы рабы, рабы!...

Привѣтъ.

Я боюсь, что вамъ чуждъ будетъ тихій привѣтъ
Сына Родины, темной отъ горя и бѣдъ,
Гдѣ, скорбя о плѣненіи прадѣдныхъ нивъ,
Клонитъ головы долу хоръ плакальщицъ ивъ,
Гдѣ краса и веселіе — рѣдкіе сны,
Гдѣ печаль и въ цвѣтахъ и въ улыбкѣ весны,
Гдѣ страдалецъ народъ, непокорный судьбѣ,
Шесть столѣтій съ врагомъ стоитъ въ грозно
[борьбѣ,
Богатырскіе внуки въ могилы легли,
Не дворцы, а курганы встаютъ изъ земли;
Гдѣ и пѣсни — стенаніе жалкое птицъ,
Что средь бурь отъ родимыхъ отстали станицъ,
Гдѣ Христосъ на изрубленномъ русскомъ крест
Словно на вѣкъ застылъ въ своей скорбной мечтѣ
Подъ стопой палача, подъ клеймомъ нищеты
Увядали высокихъ стремленій цвѣты;
Гдѣ и хаты, и люди, и мысль, и дѣла
Такъ же сѣры, какъ осенью низкая мгла;
Гдѣ какъ будто лишь камней таинственный глас
Міру скорбный про Галичъ повѣдаетъ сказъ;
Гдѣ такъ чужды намъ ласка, участье, привѣтъ,
Какъ рожденнымъ во тьмѣ золотистый разсвѣтъ

Первая битва.

мчались въ бой дружины грозно, смѣло,
ъ не страшили тучи вражьихъ стрѣлъ,
ъ Русь звала, ихъ Русь вела на дѣло,
ѣдъ ними святорусскій стягъ горѣлъ.

ли шли въ бой съ врагомъ и супостатомъ,
гибнуть иль сразить злодѣйскій родъ,
елъ сынъ съ отцомъ, и братъ шелъ съ вѣрнымъ
[братомъ,
ла Русь крещеная, шелъ весь народъ.

долго бой кипѣлъ. Герои дни и ночи,
къ львы, родное знамя стерегли.
на лишь смерть могла сомкнуть ихъ очи:
шалась доля Галицкой Земли.

къ львица билась Русь... И задрожали
ды враговъ, повергнутые въ прахъ.
Ура! — герои трижды закричали,
выше, выше взвился русскій стягъ!

день насталъ, и лучъ блеснулъ восточный,
поле грозной битвы освѣтилъ.
день насталъ, и часъ насталъ урочный,
врагъ въ постыдномъ бѣгствѣ отступилъ.

На Новый Годъ.

Измученный игомъ, гонимый судьбой,
Не въ силахъ тяжелое вынести горе,
Онъ снова за волю сбирается въ бой:
Та жъ вѣра и та же отвага во взорѣ.

То онъ — богатырь, то онъ — русскій народ
Забытый, безмолвный, голодный и хилый,
Исполнившись новой, цѣлительной силы,
Бьетъ благовѣстъ Руси бьетъ Новый ей Годъ

Проснулось въ немъ сердце, и ожилъ въ не
[умъ
Съ души его сползли прахъ рабства и плѣсе
Онъ весь пробудился для творческихъ думъ,
Для жизни свободной, для радостныхъ пѣсе

Покорный велѣньямъ суровой судьбы,
Молясь, онъ окрѣпъ въ испытаніяхъ жизни
И всталъ онъ на подвигъ священной борьбы,
Что бъ волюшку-волю добыть для отчизны.

* * *

За мрачной гранью бранныхъ бурь,
За огненной завѣсой гнѣва,
Я вижу чистую лазурь
И пышный всходъ благого сѣва.

То Русь, омытая въ крови,
Грядетъ съ евангеліемъ смиренья,
Съ глаголомъ братства и любви
На торжество освобожденія.

Простыя, ясныя слова
Простыми рождены сердцами,
Но будто ближе божества
Сталъ міръ, проникшихъ ихъ лучами.

Руси израненная грудь,
Расторгнувъ цѣпи златовластья,
Ведетъ весь міръ на новый путь
Всечеловѣческаго счастья.

Вожди разрозненныхъ племенъ
Дары ей дивные приносятъ
И славу чтутъ ея знаменъ
И мира и защиты просятъ.

* * *

Среди развалинъ и могилъ
Людей, событій и стремленій,
Въ тиши закатныхъ озареній
Съ тобою молча я бродилъ.

Цвѣтовъ опали лепестки,
И лавры на вѣнкахъ завяли,
Въ чаду свѣтильни угасали,
Сливалась съ мракомъ боль тоски.

Съ унылой пѣснью на рѣкѣ
Слилось колоколовъ моленье,
И понялъ я въ тотъ мигъ значенье
Румянца на твоей щекѣ.

Вступая въ жизнь, мы разошлись,
Но разошлись мы лишь путями,
А наши души въ грозномъ храмѣ
Лучемъ и тѣнью обнялись.

Среди развалинъ и могилъ,
Въ тиши закатныхъ озареній,
Ты лучъ, ты явь моихъ видѣній,
Источникъ радости и силъ.

* * *

ъ души лазоревыхъ затонахъ,
дѣ свѣтитъ взглядъ лишь вашихъ глазъ
акъ твердь зеркальная бездонныхъ,
оя любовь къ вамъ родилась.

й пѣсни пѣли бездны моря,
кряжъ Карпата снѣговой,
шумъ лѣсовъ, и слезы горя,
запахъ нивы трудовой.

вященно-трепетныхъ преданій
ъ грядущимъ днемъ жива въ ней связь,
емная быль земныхъ дѣяній
ъ небесной грезою слилась.

іяньемъ звѣздъ ей путь намѣченъ,
ревыше бурь, орловъ и тучъ,
дѣ, можетъ быть, никѣмъ не встрѣченъ,
китался вашей мысли лучъ...

иловый, синій, изумрудный,
ребристый сонъ души моей,
езримой жизни отблескъ чудный,
се выше, выше и свѣтлѣй

на стезей эфирно зыбкой
лыветъ — прекрасна и чиста.
озаряются улыбкой
ои печальныя уста.

---

* * *

Я усталъ. Мнѣ ненавистенъ
Мутный бредъ людскихъ страстей,
Я усталъ отъ пошлыхъ истинъ,
Отъ враговъ и отъ друзей.

Стая злыхъ, тупыхъ, холодныхъ,
Трупъ подъ сгнившею парчей! —
Нѣтъ живыхъ, нѣтъ благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой.

Вѣру въ доблесть подрываетъ
Зависть жадная невѣждъ,
Ядъ сомнѣній разъѣдаетъ
Души полныя надеждъ.

Одинокъ, забытъ, печаленъ,
Межъ своихъ чужой брожу
И съ тоской на храмъ развалинъ
Свѣтлыхъ, юныхъ сновъ гляжу.

Но какъ пламень неугасный
Въ грозной тьмѣ льдяныхъ полей
Тихо свѣтитъ взоръ твой ясный
Въ глубинѣ души моей.

* * *

Прошла гроза. За дальней тучей,
Сверкнувъ, замолкъ послѣдній громъ.
Лишь волны грозовыхъ созвучій
Скользятъ прохладою летучей
И таютъ въ воздухѣ сыромъ.

Прошла гроза. Въ лѣсномъ ущельи,
Гдѣ молній блескъ былъ ярче звѣздъ,
Дыханіемъ смолистымъ ели
Свѣжатъ слащавый запахъ прѣли,
И снова свищетъ мокрый дроздъ.

Прошла гроза. Ни волоконце
Не тянется по небесамъ.
Какъ въ храмѣ въ разноцвѣтъ-оконце
Изъ слезъ весны въ лазури солнце
Ткетъ чудо-арку лѣтнимъ снамъ.

---

* *
*

Млѣла ночь въ горячихъ снахъ объятьяхъ юга,
Ласки волнъ забывъ, и счастье слезъ, и звуки.
Сладко снились ей лучи въ дали безбрежной,
Тѣнь лѣсовъ, роса, раскатный громъ и вьюга,—
На груди жъ ея, сожженной, но мятежной,
Роза умирала отъ любовной муки,
И отъ зноя вянулъ ландышъ бѣлоснѣжный.

Къ ней во снѣ я жадно протянулъ объятья,
И царицей юга, феей страсти нѣжной
Въ нихъ она очнулась. Стыла кровь и звуки,
И не могъ молиться и не могъ рыдать я:
На груди твоей, палящей и мятежной,
Роза умирала отъ тоски и муки,
Увядалъ отъ зноя ландышъ бѣлоснѣжный...

Эктпромптъ.

Раннимъ утречкомъ сегодня
Къ намъ изъ садика въ окошко
Прилетѣла птичка крошка,
Птичка — вѣстница Господня

И такъ радостно и звонко,
Такъ восторженно запѣла,
Что — я знаю — ты хотѣла
Въ этотъ мигъ имѣть ребенка.

Насъ съ тобой зачаровала
Птичка сладкозвучной пѣсней,
Взглядъ твой сталъ еще прелестнѣй,
И еще нѣжнѣй ты стала.

Не о томъ ли пѣла крошка,
Прилетѣвшая въ оконце,
Что любима ты, какъ солнце,
И любимъ и я немножко?

А. Р. Пащенко.

Въ багряномъ головномъ уборѣ,
Въ вѣнкѣ изъ розъ, бѣла какъ пухъ,
На берега лѣсистомъ взгорьѣ
Явились вы какъ свѣтлый духъ
Живымъ видѣніемъ поэта,
Картиной, пѣснею безъ словъ,
Улыбкой солнца, жрицей лѣта,
Дарящей радость жгучихъ сновъ.

Березки, къ вамъ сойдясь толпами,
Дразнились, трепля вашу шаль,
Смѣясь къ нимъ алыми губами,
Вы убѣгали взоромъ въ даль,
Туда, гдѣ мгла завѣсой тайной
Скрывала лѣсъ, — какая злость! —
Туда, гдѣ проскакалъ случайный
Далекій и веселый гость.

А въ синихъ волнъ глуби зеркальной
Я видѣлъ: старый дубъ въ тотъ мигъ,
Обнявъ васъ лаской прощальной,
Отъ сладкихъ мукъ главой поникъ...

Быть можетъ, образъ неугасный —
Мечта иль призракъ. Можетъ быть...
Но восхитительно-прекрасной
Картины той мнѣ не забыть!

Ахтырка, монастырь,
9. іюля 1916.

Мадригалъ.

Вся бѣла, дитя каприза,
Дивно свѣжій цвѣтъ лица, —
Чародѣйная маркиза
Изъ Бурбонскаго дворца.

Парика сребрятся кудри,
Рюшки, тюль, жабо — какъ снѣгъ,
Шея, плечи — словно въ пудрѣ,
Въ складкахъ губъ всѣ тайны нѣгъ...

Чуть сжимая пальчикъ длинный,
Кавалеръ ея — поэтъ —
Подъ гитаръ мотивъ старинный
Танцовалъ съ ней менуэтъ.

Словно пѣснь волны мятежной
Кавалеровы слова...
Грудь ея отъ страсти нѣжной
Бѣлый вѣеръ скрылъ едва...

Межъ вторымъ и третьимъ танцемъ
Онъ мечтательно затихъ...
Вся она горитъ румянцемъ,
Онъ чуть слышно шепчетъ стихъ:

— Вся бѣла, дитя каприза,
— Дивно свѣжій цвѣтъ лица,
— Чародѣйная маркиза
— Изъ Бурбонскаго дворца.

Кончился балъ... Онъ паланкина
Дверцы распахнулъ ажуръ,
А маркизы сердце чинно
Въ мигъ открылъ шалунъ амуръ.

Долго въ ночь не потухала
Люстра въ двухъ окнахъ дворца...
Говорятъ — отъ кардинала
Принималъ маркизъ гонца

И, чтобъ сохранить въ секретѣ
Важность ватиканскихъ дѣлъ,
Заперся съ нимъ въ кабинетѣ
И всю ночь тамъ просидѣлъ.

А когда потухли свѣчи,
Говорятъ, что у крыльца
Кто то слышалъ чьи то рѣчи,
Смѣхъ и вздохи безъ конца.

Камеристка Жанна Лиза,
Съ нѣжной краской на лицѣ,
Объясняла: „Гость маркиза
Ночевалъ... не на крыльцѣ...

А старикъ садовникъ Павелъ,
Палецъ приложивъ ко лбу,
Все женѣ своей гнусавилъ:
„Тутъ похоже на волшбу...

Къ утру, знать, не безъ опаски,
Видно, прячась отъ пажей,
Изъ дворца шелъ кто то въ маскѣ
И шепталъ въ тиши аллей:

— Вся бѣла, дитя каприза,
— Дивно свѣжій цвѣтъ лица,
— Чародѣйная маркиза
— Изъ Бурбонскаго дворца...“

Е. Р. К. и І. И. К.

Дѣвушки милыя, дѣвушки чистыя,
Дѣвушки, дружки мои,
Снятся мнѣ волосы ваши волнистые,
Свѣтятъ въ душѣ ваши взгляды лучистые,
Пѣсенъ рокочутъ струи.

Утро росистое чаръ неразвѣянныхъ,
Юность волшебная вамъ —
Чувствъ неизвѣданныхъ, грезъ неосмѣянныхъ,
Взлетовъ вершинныхъ, надеждъ ненадѣянныхъ,
Счастія сказочный храмъ.

—

Дѣвьихъ мечтаній омытъ дуновеніемъ,
Вамъ, какъ веснѣ, я пою:
Дайте мнѣ сновъ опьянѣть воскрыленіемъ,
Помысловъ чистыхъ согрѣть озареніемъ
Скорбную душу мою!

* * *

Лазорево синіе глазки,
Томленіе робкой весны,
Любви неотпитыя ласки,
Души нераскрытые сны!

Хотѣлъ бы я, вами волнуемъ,
Къ вамъ тайно губами припасть
И долгимъ, нѣмымъ поцѣлуемъ
Впивать лучезарную страсть,

Чтобъ тихо въ души безузорныхъ
Затонахъ мерцалъ мнѣ вашъ взглядъ,
Такъ тихо, какъ въ пропастяхъ горныхъ
Зарницъ излученья глядятъ.

Пѣсня Психеи.

ъ моей душѣ есть тайные просторы, —
ъ предутра зыбкомъ снѣ укрытый лугъ, —
уда ничьи не проникали взоры,
дѣ ни единый не раждался звукъ.

Любившіе меня о немъ не знали,
И смутно только мыслю я о немъ,
Когда мнѣ скорбь тоски и боль печали
Терзаютъ грудь мучительнымъ огнемъ.

о чувствую, что цѣлинѣ быть нивой...
знаю: мой урочный часъ пробьетъ,
съ дальнихъ высей солнечно-красивый
юный богъ на лугъ мой низойдетъ.

Согрѣетъ духъ мой сномъ очарованій,
Обниметъ муки сладостной волной,
Обвѣетъ вихремъ горныхъ порываній
И ороситъ тоски пустынный зной.

оздушныхъ грезъ живое обнаженье,
ачавшей яви первые цвѣты,
одятся звуки, краски и движенье,
вспыхнутъ жизни яркія черты...

Узорной нѣжностью волнистыхъ линій
Богатой нивы вздымутся межи,
Вѣнцы магнолій, лилій и глициній
Сплетутся вкругъ, какъ свѣтлые ужи.

оя душа, какъ пламень, свѣтозарна,
осторговъ явитъ дивную красу,
божеству, блаженно-благодарна
жертву отъ дареній принесу!

Сфинксы.

Въ пустынѣ солнца, вѣтра и песковъ,
Подъ знойнымъ сводомъ вѣчной синевы,
Поднявъ высоко гордыя главы,
Они гранитный грезятъ сонъ вѣковъ.
Ихъ пара. Камни — птицы — люди — львы.

Недвижны въ стройности нагой тѣла,
Но каждый мускулъ напряженъ, какъ лукъ.
Съ лучемъ величія и тѣнью мукъ
Суровость думъ на лица ихъ легла.
Въ молчаньѣ ихъ тревога и испугъ.

Ихъ взглядъ — какъ вѣчность страшный вскли
[тоски,
Ихъ мысль — порывъ, томленье, страсть, борьб
Какая жъ въ мірѣ ихъ свела судьба?
Слѣпцы? Безумные? Друзья? Враги?
Онъ рабъ ея, она ль его раба?

Иль оба лишь рабы? Рабы Добра
Иль Зла? Кто богъ ихъ? Кто ихъ полонилъ?
Въ пустыню ль ихъ изгналъ священный Нилъ
Жестокій ли Ваалъ иль мудрый Ра
Двухъ паръ очей стальные взгляды слилъ?

Былъ свѣтелъ воскрыленный ихъ союзъ.
Но жгла ихъ страсть. И духъ истлѣлъ въ плот
Померкъ ихъ взглядъ. Померкли ихъ пути.
Окаменѣла плоть отъ плотскихъ узъ,
И выше праха крыльямъ не взойти!

ни любили. Леъ, почуявъ кровь...
обилъ, ревнуя къ птицѣ, человѣкъ...
стаи стрѣлъ изъ подъ усталыхъ вѣкъ
грудь сфинкса сфинксъ вонзалъ. Убилъ
[любовь!
камень стережетъ изъ вѣка въ вѣкъ.

кажется, что нѣтъ еще людей,
о лишь въ вѣкахъ, въ видѣньяхъ красоты,
евѣста Солнца ихъ зачнетъ черты, —
явь — пустыня камней и звѣрей
саркофагъ отверженной мечты.

---

* * *

нѣ душу жжетъ тоски мертвящій зной...
міръ вокругъ и холоденъ, и пустъ...
бами жаркими, въ бреду, больной,
щу твоихъ любимыхъ, сладкихъ устъ.

ы снишься мнѣ... Ты вся въ цвѣтахъ лежишь,
евожный сонъ твой сладокъ сталъ и тихъ, —
мысль мою во снѣ ты сторожишь,
ыбкой ясной ища губъ моихъ.

Признаніе.

Скованный тоскою вихремъ налетѣвшей
И недугомъ тайны сладостной разбитъ,
Я иду къ тебѣ съ душою наболѣвшей
Выплакать всю боль, всю горечь злыхъ обидъ

Выплакать? Но плачетъ, кто какъ юность вѣрит
Чья душа еще какъ вешняя гроза,
Кто слезами горе, смѣхомъ счастье мѣритъ.
А моей груди давно чужда слеза.
Плачетъ, кто страданіемъ дѣлиться можетъ,
Въ комъ еще хоть лучъ надежды не угасъ...
Грудь мою вампиръ сомнѣній смутныхъ гложет
Чувство, умъ другъ другу скорбный шепчут
[сказъ.

Какъ мертвецъ, съ улыбкой, болью искаженно
Я приду къ тебѣ, съ тоскою, чуждой всѣмъ...
Нѣтъ! Не вѣрь! Я лгу! Къ ногамъ твоимъ скло
[ненный,
Призракъ, — я исчезну, — холоденъ и нѣмъ...

Настанетъ часъ...

Настанетъ часъ... И занѣмѣетъ
Въ гробу языкъ мой, и въ моемъ
Отшедшемъ образѣ истлѣетъ
Что лишь земное было въ немъ...
И вся, объятая печалью,
Съ тоской въ груди и съ вѣщимъ страхомъ,
Ты станешь надъ нѣмой скрижалью,
Заговоришь съ зарытымъ прахомъ
И тайный смыслъ былыхъ рѣчей
Душой прозрѣвшей разгадаешь
И въ мракѣ гаснущихъ лучей
Незримо, тихо зарыдаешь.
Скорбя душою сиротливой,
Ты вспомнишь радостные дни,
Мечтанья юности счастливой
И чувствъ пылавшіе огни.
И какъ могильные цвѣты
Изъ щелей каменныхъ ступеней
Навстрѣчу имъ мои мечты,
Поднявшись свѣтлымъ роемъ тѣней,
Тебѣ забытый явятъ ликъ.
И, вспыхнувъ ласкъ тоскою жадной,
Въ бреду, счастливая на мигъ,
Ты поцѣлуешь камень хладный...

* * *

Намъ жизнь дала счастливый день.
Мы шли одни, чужіе людямъ,
Бѣжала въ даль сомнѣній тѣнь,
И такъ легко дышалось грудямъ.

Во власти чаръ незримыхъ струй,
Смѣясь, мечтали мы безпечно
И первый, долгій поцѣлуй
Мы повторяли безконечно.

Любви волшебное звено
Мечты и жизнь въ одно спаяло,
И много счастья намъ дано,
Хотя и слезъ дано не мало.

Пускай друзья, пускай враги
Насъ судятъ вѣрно или можно,
Что жизни трудные шаги
Мы ставимъ тихо, осторожно,

Что мы не смотримъ свысока
На тѣхъ, кто въ насъ нашелъ участье,
Что скорбь чужая намъ близка,
И счастье ближнихъ — наше счастье,

Но жарче насъ любить кто могъ?
Чье слаще было упоенье?
Чьей груди былъ счастливѣй вздохъ?
Созвучнѣй чьихъ сердецъ біенье?

* * *

Въ вѣнкѣ изъ розъ, съ нездѣшнимъ взглядомъ,
Въ годину слезъ она ко мнѣ пришла
И нѣжныхъ поцѣлуевъ сладкимъ ядомъ
Безтрепетное сердце мнѣ зажгла.

И отъ невѣдомыхъ, незримыхъ ранъ
Въ немъ чувства расцвѣли пышнѣе розы,
И стала жизнь, какъ призрачный обманъ,
И жизнью стали сладостныя грезы.

Въ чемъ горе или счастье видятъ люди,
Что для меня лишь блѣдный сонъ, кошмаръ,
Лишь призракъ жизни на развалинъ грудѣ.
И вѣрю въ чувствъ живыхъ священный даръ.

Пусть бьетъ за громомъ громъ. Въ ихъ [высотѣ
Пусть гуще тучи надо мной нависли!...
Я, какъ мудрецъ недостижимой Мысли,
Молюсь Любви немеркнущей мечтѣ!

* * *

Свершилося. Умеръ Христосъ,
Убитъ изступленной оравою,
И міръ обратился въ хаосъ,
Земля стала лужей кровавою.

Ей страшенъ лишь грозный молохъ,
Лишь демонъ проклятья и мщенія,
А Онъ, Онъ — преступникъ, не Богъ,
Онъ — врагъ Іеговы ученія!

Свершилось... Въ дыму и крови
Стемнѣло закатное зарево.
И снова нѣтъ въ мірѣ любви.
И только, какъ страшное марево,

Кровавня руки простеръ
Солдатъ за Христовыми ризами.
И міръ, какъ потухшій костеръ,
Дымится туманами сизыми.

Видѣніе.

Ты снилась мнѣ. Въ ночной дали
Ты зорькой тихою блистала
И повѣсти родной земли
Съ нѣмою скорбію внимала.

Мои забытыя признанья
Касались струнъ твоей души,
И рѣяли въ святой тиши
Нездѣшнихъ сновъ воспоминанья,
Тебя фатою обольнулъ
Туманъ весеннихъ испареній,
И свѣтомъ дивныхъ озареній
Твой образъ въ лонѣ водъ мелькнулъ.

И долго я тебя искалъ,
Волной скитался по разливамъ,
Взлеталъ орломъ къ вершинамъ скалъ
И вихремъ бушевалъ по нивамъ.

Въ долинѣ бури безотлетной,
Гдѣ сонная сгустилась мгла,
Межъ травъ, на заросли болотной,
Ты бѣлой лиліей цвѣла.
Я ураганомъ налеталъ,
Чтобъ вывести тебя изъ плѣна,
Но громъ за громомъ грохоталъ,
И бѣшено шипѣла пѣна, —
И поднялась на бой со мною
Чудовищъ темная семья
И, обступивъ тебя стѣною,
Дышала ядомъ на меня.

И долго грозный бой кипѣлъ,
Мой духъ рвался обняться съ лильей, —
Но надъ тщетой моихъ усилій
Сонмъ чудищъ хохоталъ и пѣлъ.
На помощь слабому уму
Я духовъ звалъ въ пустынѣ звѣздной,
Но небо погрузилось въ тьму,
И тьма дышала хладной бездной.

Тогда я грудь мою разсѣкъ
И сердце любящее вынулъ.
И яркій пламень ночь раздвинулъ,
И, чистая какъ горный снѣгъ,
Взошла ты зорькой надъ болотомъ.
И разбѣжались духи тьмы,
И — горсть лучей и тѣней — мы
Къ невѣдомымъ неслись высотамъ...

Подражаніе карпаторусскимъ народнымъ пѣснямъ.

Доли просилъ сиротина бездомный я, —
Доли и мать не дала...
Ночка осенняя, ноченька темная
Душу тоской извела.

Ноетъ въ груди будто рана глубокая...
Какъ то дождаться мнѣ дня?
Гдѣ же ты ясная зорька далекая,
Что позабыла меня?

Мы ль не слюбились съ тобой, ненаглядною,
Сладко, какъ любятъ тайкомъ?
Жизнь украшала ты пѣснью мнѣ складною,
Я твою косу цвѣткомъ.

Что же, не любъ тебѣ сталъ сиротинушка?
Ласки ль остыли его?
Въ сердце ль змѣею закралась кручинушка?
Бабы ль сварили чего?

Я ль тебя словомъ обидѣлъ неласковымъ,
Ночкой въ садочкѣ не ждалъ?
Только разочекъ взглянула ты глазками,
Всю тебѣ душу отдалъ.

Что навернулась слеза подъ рѣсницею,
Въ сердце упала огнемъ?...
Выйди, коханочка! За околицею
Ночь скоротаемъ вдвоемъ!

* * *

Окутанъ городъ мглой таинственной,
Зажглись далекіе огни...
Иду къ тебѣ я, твой единственный,
Мы будемъ въ эту ночь одни.

Одни среди грозы, бушующей
Въ отравленной людской крови,
Одни съ пыланіемъ любви
Въ душѣ, о счастіи тоскующей.

Въ странѣ кровавымъ сномъ загубленной,
Въ странѣ печали и тревогъ,
Иду къ тебѣ, къ моей возлюбленной,
Прими страдальца въ свой чертогъ!

Жрецы и боги таинствъ сладостныхъ,
Мы горныхъ чувствъ зажжемъ огни,
Рабы, владыка миговъ радостныхъ,
Мы будемъ въ эту ночь одни.

Любовь и флиртъ.

Любовь сильна тоской и тайной
Великихъ жертвенныхъ огней,
А флиртъ — актеръ игры случайной
На душной сценѣ скучныхъ дней.

Въ гостиной, въ словъ бронѣ холодной,
Блестящій рыцарь, всѣхъ милѣй,
Онъ въ лунномъ паркѣ — соловей,
А въ пущѣ страсти волкъ голодный.

Любовь тиха и прямодушна,
Флиртъ шуменъ, черствъ и неправдивъ,
Любовь скромна, мягка, послушна,
А флиртъ коваренъ, гордъ, строптивъ.

Разлука.

Разлуки довгій срокъ измучилъ намъ сердца.
Далекъ и одинокъ, я вяну оттого,
Что такъ же обо мнѣ грустишь ты безъ конца,
Что мысль твоя въ огнѣ страданья моего.
Разлуки долгій срокъ измучилъ намъ сердца.

Передомной цвѣты, любимые тобой,
И пѣсни тѣ звенятъ, что я тебѣ слагалъ,
Въ душѣ твои мечты, волшебный образъ твой,
Твоя улыбка, взглядъ и губъ твоихъ кораллъ...
Передомной цвѣты, любимые тобой.

И сладкое во снѣ я имя прошепчу
Твое, лаская слухъ, то вскликну, какъ въ бреду:
Лети ко мнѣ, мой другъ! То словно самъ лечу
И слышу зовъ твой мнѣ: „Иду, мой другъ, иду!"
И сладкое во снѣ я имя все шепчу.

Пусть шуменъ и широкъ меня принявшій свѣтъ,
И пусть высокихъ чувствъ и помысловъ онъ полнъ,
Но я въ немъ одинокъ: тебя со мною нѣтъ! —
И для меня онъ пустъ. Я въ немъ разбитый челнъ,
Хоть шуменъ и широкъ меня принявшій свѣтъ...

Но сердце говоритъ, что близокъ, близокъ мигъ,
Когда разлучныхъ дней вкругъ насъ растаетъ мгла,
И солнышка яснѣй нашъ дружный встрѣчный
[вскликъ
Восторгомъ озаритъ тьму нашего угла.
Мнѣ сердце говоритъ, что близокъ встрѣчи мигъ.

И оживутъ уста, и вся ты оживешь,
Вся трепетно чиста, какъ майскій день ясна,
И нареченнымъ вновь меня ты назовешь!
И будешь — вся любовь! — счастливыхъ слезъ
[полна!
И оживутъ уста, и вся ты оживешь.

Прощаніе.

Сомнѣнья нѣтъ... Да и къ чему сомнѣнія,
Когда обоимъ намъ свой приговоръ
Ты изрекла свободно, безъ волненія,
Сказавъ лишь то, что выражалъ твой взоръ, —
Твоей души кристальной отраженіе.

Изгнанникъ, — ухожу въ страну изгнанія.
Но въ этотъ часъ все, что когда-нибудь
Могло навѣять грусть или страданія,
Молю тебя: забудь, прости! Забудь
Мою любовь, — порывы увяданія!

Всю молодость я ждалъ тебя, желанная,
Томясь борьбой и тяжестью веригъ.
И ты пришла, тоской любви вѣнчанная,
Блеснувъ, какъ солнце осенью, на мигъ,
Пришла какъ счастья вѣстница нежданная,

Какъ голосъ, какъ чудесное видѣніе
Тѣхъ силъ, которымъ я служу, молясь.
Пусть голосъ смолкъ, но живо словъ велѣніе!
И слову и видѣнью покорясь,
Я въ нихъ обрѣлъ судьбы благословеніе.

Ты разлюбила. И какъ зорька ясная
Къ холоднымъ высямъ тихо уплыла.
Но улетая, жалостью прекрасная,
Волшебнымъ взглядомъ душу мнѣ зажгла
И свѣтишь въ ней — свѣтильня неугасная!

И свѣтъ ростетъ и волнами лучистыми
Зажегъ мнѣ грудь, зажегъ мой духъ, мой умъ...
Надъ безднами моей души скалистыми
Горитъ заря твоихъ высокихъ думъ,
Я опьяненъ твоими снами чистыми!

И въ шумѣ тучъ, и въ моря пѣснѣ сладостной,
И въ тихой сказкѣ липъ, березъ и хвой,
Во вздохѣ нивъ, и въ жницъ молитвѣ радостной,
Во всемъ прекрасномъ слышу голосъ твой —
Родной, привѣтный, звучный, сладкій, благостный.

Родного племени непобѣдимаго
Въ тебя я чую богатырскій духъ.
Въ глазахъ не неба ль блескъ родимаго?
Я живъ, доколь во мнѣ онъ не потухъ!
Онъ — мой маякъ средь моря нелюдимаго!

И если склонишься подъ лаской нѣжною
Къ тому, кого ты назовешь своимъ,
Клянусь, не дрогну я душой мятежною
И буду счастливъ счастіемъ твоимъ
И мыслью улыбусь тебѣ безгрѣшною.

Невѣста духа моего нетлѣнная,
Источникъ силъ и радостной мечты,
Ты мнѣ отчизна, солнце, жизнь, вселенная!
Будь счастлива! Будь счастлива хоть ты,
Лазурно-чистая, благословенная!

СОВЕРМЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

(Львовъ, Курковая 10).

1) *Н. П. Глѣбовицкій*: I. Одуванчикъ; II. Учительница.
2) *Александръ Блокъ*: Двѣнадцать, поэма.
3) Современная русская поэзія. (Сборникъ стихотвореній).
4) *М. Глушкевичъ*: Символы и иллюзіи.

Печатается:

5) *К. Л. Полищукъ*: Атаманша Соколовская, разсказъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 113965880